

ФОНОЛОГИЯ

Д. Д. Беляев

Тулская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ

(Россия, Тула)

beltula@gmail.com

ОТНОШЕНИЯ [г]–[γ]: ОТ ОППОЗИЦИИ К ВАРЬИРОВАНИЮ

В статье рассматривается история отношений между звонкими заднеязычными согласными [г] и [γ] в русском языке. В ходе славяно-иранского симбиоза [γ] стал атрибутом сакральной лексики. Падение редуцированных стимулировало сдвиг $к : г \rightarrow к : \gamma (\rightarrow \mathbf{h})$, поддержанный притяжением в морфонемах {г/ж'}, {г/з'}. На юге новые [γ] конвергировали с древними, результат был усвоен церковнославянским языком. На севере, где место {г/з'} заняла морфонема {г/г'}, сдвиг не был обобщен и [γ] усваивался как единица книжного языка. Сформировалась внешнелингвистическая оппозиция «⟨γ⟩ (книжная речь + Юг) : ⟨г⟩ (разговорная речь (Север))». В XVIII в. отношения между ⟨γ⟩ и ⟨г⟩ подвергаются анализу. В.Е. Адодуров и В.К. Третьяков, трактуя фонему ⟨γ⟩ как немаркированную в ⟨г⟩-ареале, сталкивались с противоречием между нормой и узусом. М.В. Ломоносов, преодолевая противоречие, предложил проект внутренней оппозиции ⟨г⟩ : ⟨γ⟩, где немаркированной является ⟨г⟩. В XIX в. образовалась мутабельная единица ⟨г/γ⟩, варьирующая стилистико-эмоциональную окраску текста. Типологически избыточная оппозиция ⟨г⟩ : ⟨γ⟩ исчезла. Как показывают идентификационные исследования, в современном русском языке ⟨г/γ⟩ является стабильным параметром идиолекта, а также может служить средством создания желаемого коммуникативного образа.

Ключевые слова: русский язык, звонкие заднеязычные согласные, история, мутабельная фонологическая единица, функции

Долгая история отношений между согласными [г] и [γ] в русском языке демонстрирует разнообразные факторы — фонологические и экстрафонологические, внутри- и внешнелингвистические.

Спирантизация $g \rightarrow \gamma$ наблюдается во многих языках [Гамкрелидзе 1980: 97], но реализацию процесса обеспечивают специфические импульсы. Первичный импульс на юго-востоке Славии был, видимо, внешним: славяно-иранский симбиоз 1-й пол. I тыс. н. э., особо значимый для религиозно-мифологической сферы, см. [Васильев 1999; Иванов 1996; Абаев 1965: 41–52, 109–117; Півторак 1988: 128–132;

Эдельман 2002: 49–53, 157–178]. Фонема ⟨γ⟩ стала, путем заимствования и семантического калькирования, атрибутом сакральной лексики (*богъ* [Этимологический словарь славянских языков 2: 157–163] и др.).

Падение редуцированных «привело к резкому повышению напряженности в других звеньях: возникают различные сочетания гетероганных согласных <...> И дальнейшие фонетические процессы связаны с преодолением этих вновь возникших напряжений» [Касаткин 1999: 139]. В частности, возник внутренний импульс к развитию сдвига **к : г → к : γ (→ һ)**, поддержанного притяжением в морфонемах {г/ж'}, {г/з'} [Беляев 1993: 64–69]. На юге падение редуцированных начиналось в сер. X в., на севере — столетием позже [Галинская 2009: 95–98]. На юге новые [γ] полностью конвергировали с древними. На севере, где место {г/з'} заняла морфонема {г/г'}, сдвиг не был обобщен.

Формировавшийся в Киеве церковнославянский язык оперативно воспринял результат сдвига [Успенский 2002: 155–159]. Этому способствовало обучение грамоте по складам [Успенский 2002: 119–121]. Читая слоги, содержащие *глаголь*, неопиты закономерно артикулировали щелевой согласный. В ⟨г⟩-ареале такое звучание усваивалось как единица книжного языка. Так сформировалась внешнелингвистическая оппозиция «⟨γ⟩ (книжная речь + Юг) : ⟨г⟩ (разговорная речь (Север))». Ее нейтрализацией на севере стал [γ] в сакральных гнездах *бог-*, *благ-*, *господ-*. На юго-западе для обозначения иноязычных [г] появились диграф *кz* (XIV в.) и графема *г* (XVI в.).

В XVII–XVIII вв. отношения между ⟨γ⟩ и ⟨г⟩ подвергаются анализу и оценке. Выводы внешних наблюдателей категоричны, хотя и противоположны. М. Смотрицкий включает **Г** в число «странных писмен», «*такъ ѿ Грѣкъвъъ привзѣта, Блаве^нскѣъ языкъ и кромѣ си^х состоѣти мѣщѣ*» [Граматики 2000: 140]. Ю. Крижанич: *Рѣсјани, Лехи, Хервати, и Серви, право и ризво изрикајѣт слово Глагол: равно како Греки Гама. А Билорѣсјани, и Чехи, јесѣт изгѣбили правнь глас: и изрикајѣт никакo сподобно ко Хирѣ. ... Тим се овѣдјајѣт и никѣи Рѣсјани: и за липо почнтајѣт таково кметско, вѣдно, и премерзко изриканјѣ*» [Крижанич 1859: 127].

Русские исследователи XVIII в., трактуя фонему ⟨γ⟩ как немаркированную, но находясь внутри ⟨г⟩-ареала, неизбежно сталкивались с противоречием между нормой и узусом. Так, В. Е. Адогуров замечает, что «литера *г*» (о неупотреблении которой он сожалеет) «имѣ^т гласъ посре^дстве^нный ме^жду **наши^м г** и **к**» (= между [γ] и [к]), и соотносит *г* и *х* (*богъ* — *бохъ*) [Успенский 1975: 94–95, 153–154]. С другой стороны, строя корреляцию по напряженности, он противопоставляет «умячченные» *б, з, д, з, ж* «жестоким» *п, к, т, с, ш*, т. е. соотносит [г] и [к] [Успенский 1975: 98].

В. К. ТрEDIAKовский также соотносит среди «мяхких — твердых» *г* и *х* [ТрEDIAKовский 1849: 259]. Усомнившись в исконной функции старославянского *глаголя*, он заключает: «Впрочемъ, сіе безъ всякаго есть спора, что всѣ мы россіане **нашъ** (г) проісносімъ как латінское (h)...» [ТрEDIAKовский 1849: 260]. С другой стороны: «В **нашемъ** велікоросійскомъ проісношеніи <...> нікто у насъ сего слѣва

гусь, і бесчисленно многихъ другихъ, не проісноситъ <...> какъ чресь (h) латинское по немецкому і польскому латіны проісношенію, но какъ чресь (g) латинскоежъ напрімѣрь, гусь...» [Тредиаковский 1849: 261]. Также признавая необходимость графемы Г, он предлагает идеальный проект алфавита со слоговыми названиями: Г [γ] — hi, Г [г] — ga [Тредиаковский 1849: 262–269].

М. В. Ломоносов, преодолевая противоречие, выделяет 4 «буквы»: г (в *бла-го*), х; г (в *глазь*), к. Точкой отсчета является отношение г — к: отмечается отсутствие графемы для «латинского **h**» [Ломоносов 1952: 401–402]. О том же говорят и анализ вариантных чередований «мягких/твердых»: «г — как **к** или **х**» (*нохти, друкъ, Бохъ*); и список функций графемы г: 1) [γ] («**осталось** от славенского языка»): *Бога, Боги...*; *Господь, гласъ, благо*, дериваты *государь, государство, господинь, господствую, разглашаю, благодать, благословляю, благодарю* и проч.; 2) [к] в конце слова; 3) [х] в *Богъ*, в заимствованиях на *-ургъ*, в *лехкой, мяхой*; 4) [в] в род. п. «в простых российских словах и в разговорах», *моево, сильнаво*; 5) в заимствованиях согласно языку-источнику («нет дальней нужды») [Ломоносов 1952: 426–427]. Чтение [г] принимается по умолчанию.

Таким образом, Ломоносов выдвинул проект внутреннелингвистической оппозиции ⟨г⟩ : ⟨γ⟩, с немаркированной смычной фонемой. Однако возникала проблема распределения лексики между оппозициями. Ей посвящено стихотворение «О сомнительном произношении буквы Г в российском языке», завершающееся вопросом: «Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю*?» [Ломоносов 1959: 580–583]. Вызывает сомнения, что «сам Ломоносов, очевидно, знал ответ на этот вопрос» [Успенский 1994: 210]. Это лишило бы вопрос смысла, см. [Панов 1990: 367–368].

Потому во 2-й пол. XVIII в. преобладает стилистическое нормирование: [γ] в высоком стиле — [г] в сниженном [Панов 1990: 297]. А. А. Барсов, описывая «гортанные буквы», использует 4 символа: г («мягкія») — х к («твердыя») [Российская грамматика 1981: 51]. Однако констатирует: «Одною буквою г принуждены мы означать два разные голоса, а именно, соответствующие двумъ латинскимъ буквамъ **h** и **g**, изъ которыхъ первый <...> вездѣ безъ изытія въ славенскихъ словахъ и въ чтеніи книгъ, особливо церковныхъ, выговаривается; на противъ того другой несравненно болѣе употребителенъ въ обыкновенныхъ разговорахъ и собственно въ российскомъ языкѣ...» И строит свой список церковнославянских включений [Российская 1981: 43].

Подобные списки появлялись и в XIX в. [Панов 1990: 97–99, 200–201]. Но параллельно происходило главное: в литературном языке формировалась мутабельная фонематическая единица, «которая объединяет две фонемы, свободно варьирующиеся в одной позиции, так что обе вариации принадлежат одному и тому же слову» [Панов 1990: 192]. Это позволяло «варьировать стилистико-эмоциональную окрашенность текста» [Панов 1990: 193], но препятствовало выполнению различительной функции.

Постепенно лексико-стилистика сфера <γ> сужалась. В XX в. она утратила нормативный статус даже в своей исконной сфере — церковно-богословской речи [Успенский 2002: 159].

Так проявилась типологическая закономерность: «При наличии в системе маркированных смычных /p/ и /g/ <...> присутствие <...> соответствующих фрикативных

фонем /f/ и /γ/ факультативно [Гамкрелидзе 1980: 96]. Для фонемы ⟨ф⟩ системный контекст оказался более благоприятным, и избыточность консонантизма была уменьшена только за счет оппозиции ⟨г⟩ : ⟨γ⟩.

Однако снятие фонологической оппозиции не равно фонетической унификации. «В языке, как и вообще в природе, ничто не возникает из ничего и ничто не исчезает бесследно» [Журавлев 1986: 188]. Для рассмотрения судьбы мутательной единицы ⟨г⁽²⁾/γ⁽²⁾⟩ были использованы идентификационные исследования 2003–2017 гг., проведенные в Тульской ЛСЭ Минюста России. Среди исходных и сравнительных текстов есть диалогические и монологические, спонтанные и читаемые, бытовые и официальные.

Фиксировались аллофоны в сильных и слабых позициях: смычные [г⁽²⁾][к], щелевые [γ⁽²⁾/h⁽²⁾][х]. Все фонограммы, содержащие более 10 примеров, оказались смешанными, иногда даже в рамках одного слова: [г⁽²⁾e|γ]ам, [г⁽²⁾eоло|x], [г⁽²⁾eор|γ⁽²⁾ий, [γ]ос[г]арантия, [γ]осэ[г]замены, педа[г]о[γ⁽²⁾]ическое. Множество аллофонов (15 316) разбивается практически поровну (г = 50,7%; γ = 49,3%).

Вариантам не присущи ни лексическая закрепленность, ни позиционная обусловленность. Будучи свободными, они образуют фонемы ⟨г/γ⟩, ⟨г⁽²⁾/γ⁽²⁾⟩, лишенные ДП способа образования. В варьировании участвуют и гиперфонема ⟨t/к⟩ (где, когда, тогда, вокзал, экзамен), и фонема ⟨к⟩ (как бы, как же, и так далее, так же). Оно охватывает фонетические чередования по глухости/звонкости: [г][к/x], [γ][х/к], [к][г/γ].

Из 80 дикторов у 45 преобладают щелевые согласные, у 35 — смычные. Однако смычные варианты доминируют во внешелингвистическом пространстве. Официальный характер сравнительного образца (открыто фиксируемое следственное действие) чаще всего стимулирует повышение их доли:

Официальные образцы (62)			Неофициальные образцы (18)	
г > (49)	г < (11)	г = (2)	г > (7)	г < (11)

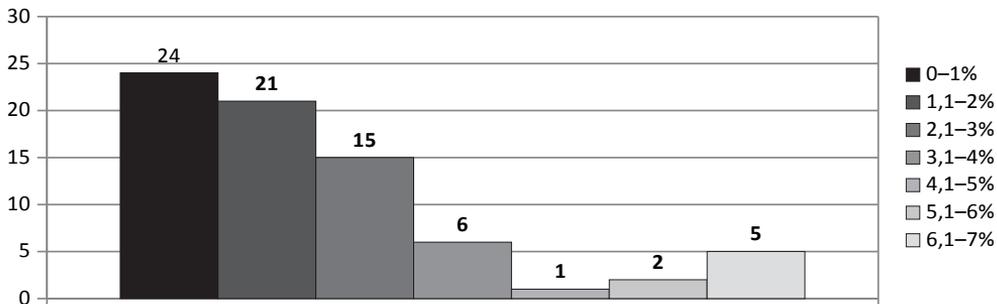
О том же говорит большее региональное разнообразие идиолектов с их преобладанием (для 18 дикторов данные отсутствуют):

г	13 (28)	Тула (15), Москва (2), Баку, Гомель, Калуга, Краснодар, Крым, Магадан, Минск, Одесса, Псков, Самара, Черкассы
γ/h	5 (34)	γ: Тула (29), Владивосток (2), Рязань; h: Брянск, Смоленск

Доли преобладающего типа аллофонов составляют от 50,0 до 97,7%. Относительное отклонение **ОО** между долями в исходных записях и образцах (отношение модуля их разности к среднему значению доли) в 74 случаях находится в пределах 0–7% (см. диаграмму на с. 180).

Аномально высокие (более 10%) значения **ОО** вызваны особыми причинами.

1. Преднамеренная смена коммуникативного образа (рост доли г; особенно наглядны случаи внутридикторской дифференциации материала: 1.5, 1.6).

1.1. Журналист **БСС**. Посредник в вымогательстве. Исходный материал — диалоги с сообщником и с объектом вымогательства ($\gamma = 74,8\%$). В официальном образце строит образ эффективного менеджера ($\gamma = 83,7\%$, $OO = 11,2\%$).

1.2. Сотрудник милиции **БРВ**. Исходный материал — переговоры о фабрикации уголовного дела ($\gamma = 63,8\%$). В официальном образце строит образ интеллектуала, знатока древней истории ($\gamma = 56,2\%$, $OO = 12,7\%$).

1.3. Телефонный мошенник **СМК**. Образец — неофициальная беседа с работником СИЗО ($\gamma = 59,4\%$). В исходном разговоре играет роль менеджера автосалона ($\gamma = 51,1\%$, $OO = 15,0\%$).

1.4. Бизнесмен, депутат областной думы **ФСМ**. Исходный материал — диалог с партнером по бизнесу ($\gamma = 96,9\%$). В официальном образце строит образ respectable политика ($\gamma = 77,2\%$, $OO = 22,6\%$).

1.5. Телефонный мошенник **КСВ**. Играет роль следователя. Диалоги с сообщником ($\gamma = 60,7\%$) близки к официальному образцу ($\gamma = 62,5\%$, $OO = 2,9\%$). Диалоги с жертвой обмана далеки от него ($\gamma = 86,9\%$, $OO = 32,7\%$).

1.6. Телефонный мошенник **ИДА**. Virtuозно играет роль менеджера автосалона. В диалогах с сообщниками преобладают щелевые варианты ($\gamma = 68,0\%$), доля которых идентична образцу — неофициальной беседе с работником СИЗО ($\gamma = 67,8\%$, $OO = 0,3\%$). В диалогах с жертвами обмана, напротив, господствуют варианты смычные ($\gamma = 95,8\%$, $OO = 99,4\%$!).

2. Вынужденная смена психофизического состояния (двойственный эффект).

2.1. Наркодилер **ТРФ**. Исходный материал — диалоги с сообщниками ($\gamma = 66,7\%$). В официальном образце конфликт с работниками СИЗО породил эмоциональное и артикуляционное напряжение, снизившее долю щелевых вариантов ($\gamma = 60,0\%$, $OO = 10,6\%$).

2.2. Офицер **ГМВ**. Исходный материал — диалоги с сослуживцами о плате за должность ($\gamma = 81,5\%$). Официальный образец — чтение текста «Антонич», вызвавшее большие затруднения. Артикуляционное напряжение повысило долю смычных вариантов ($\gamma = 90,4\%$, $OO = 10,3\%$).

2.3. Адвокат **ЛОА**. Посредница в вымогательстве. Обычные диалоги ($\gamma = 92,1\%$) близки к официальному образцу ($\gamma = 90,3\%$, $OO = 2,0\%$). Однако в разговоре, сопровождающемся приемом алкоголя, артикуляция становится вялой, доля смычных резко убывает ($\gamma = 67,9\%$, $OO = 28,3\%$).

Итак, проведенный анализ показывает, что:

1. В современном русском языке мутабельная единица ⟨г^(*)/γ^(*)⟩ является стабильным параметром идиолекта.
2. На этом фоне она служит средством создания желаемого коммуникативного образа.

Литература

- Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965. 168 с.
- Беляев Д. Д.* Славянские задненебные после падения редуцированных // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 64–77.
- Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М.: Индрик, 1999. 328 с.
- Галинская Е. А.* Историческая фонетика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2009. 160 с.
- Гамкрелидзе Т. В.* Маркированность в фонологии и типология фонологических систем // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 62–99.
- Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во МГУ, 2000. 526 с.
- Журавлев В. К.* Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. 232 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Славяно-(восточно)иранские сходства. Дополнительные сближения // Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тез. междунар. конф. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 26–31.
- Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука, 1999. 526 с.
- Крижанич Ю.* Граматично изказанје об руском језику... М.: Унив. тип., 1859. XX + VI + 256 с.
- Ломоносов М.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. 997 с.; 1959. Т. 8. 1288 с.
- Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 456 с.
- Півторак Г. П.* Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. Київ: Наукова думка, 1988. 280 с.
- «Российская грамматика» А. А. Барсова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 776 с.
- Тредиаковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой... // Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб.: А. Смирдин, 1849. Т. 3. С. I–IV + 1–316 с.
- Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. М.: Наука, 1975. 232 с.
- Успенский Б. А.* Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 2. С. 207–241.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М.: Вост. лит-ра, 2002. 230 с.

Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Dmitry D. Belyaev

*Tula laboratory of judicial examination
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
(Russia, Tula)
beltula@gmail.com*

THE RELATIONS [r]–[ɣ]: FROM OPPOSITION TO VARIATION

This paper is devoted to the history of the relations between voiced velar consonants [r] and [ɣ] in Russian. During the Slavic-Iranian symbiosis [ɣ] became attribute of sacral lexicon. The fall of the jers stimulated shift $\kappa : \mathfrak{r} \rightarrow \kappa : \gamma (\rightarrow \mathfrak{h})$, supported by an attraction in morphonemes {r/ж'}, {r/з'}. In the South new [ɣ] converged with ancient, the result has been acquired by Church Slavonic. In the North, where the place of {r/з'} was occupied by a morphoneme {r/г'}, the shift hasn't been generalized, and [ɣ] was acquired as unit of literary language. The supralinguistic opposition “⟨ɣ⟩ (bookish speech + South) : [r] (colloquial speech North)” was formed. In the 18th century the relations between [ɣ] and [r] were exposed to the analysis. V. E. Adodurov and V. K. Trediakovskii, treating ⟨ɣ⟩ as unmarked phoneme in a ⟨r⟩-area, faced a contradiction between norm and usage. M. V. Lomonosov, trying to overcome this contradiction, offered the project of internal opposition ⟨r⟩ : ⟨ɣ⟩, where ⟨r⟩ is unmarked. In the 19th century the mutable unit ⟨r/ɣ⟩ was created, which varied stylistic and emotional coloring of the text. Typologically excessive opposition ⟨r⟩ : ⟨ɣ⟩ disappeared. As identification researches show, in modern Russian ⟨r/ɣ⟩ is the stable parameter of an idiolect and can also serve as a tool for a desirable communicative image.

Key words: Russian language, voiced velar consonants, history, mutable phonological unit, functions

References

Abaev V. I. *Skifo-evropeiskie izoglossy* [Scythian-European isoglosses]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 168 p.

Belyaev D. D. [Slavic velars after fall of the jers]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1993. No. 6. P. 64–77. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Iranskie i slavyanskije yazyki: Istoricheskie otnosheniya* [Iranian and Slavic languages: Historical relations]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 230 p.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974–. Vol. 1–.

Galinskaya E. A. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka* [Historical phonetics of Russian]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2009. 160 p.

Gamkrelidze T. V. [Markedness in phonology and typology of phonological systems]. *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira* [Theoretical bases of classification of languages of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1980. P. 62–99. (In Russ.)

Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo [Grammars of Lavrentii Zizanii and Meletii Smotritskii]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2000. 528 p.

Ivanov Vyach. Vs. [Slavic-(East)Iranian similarities. Additional rapprochements]. *Slavyanskie yazyki v zerkale neslavyanskogo okruzheniya. Tez. mezhdunar. konf.* [Slavic languages in a mirror of a non-Slavic environment. Theses of the int. conf.]. Moscow, Inst. of Slavic and Balkan Studies of RAS, 1996. P. 26–31. (In Russ.)

Kasatkina L. L. *Sovremennaya russkaya i dialektnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian dialect and literary phonetics as a source for history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 526 p.

Krizhanich Yu. *Grammatichno izkazan'e ob ruskom eziku...* [Grammatical Instruction on the Russian Language]. Moscow, Univ. Print., 1859. XX + VI + 256 p.

Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow; Leningrad, USSR Acad. of Sciences Publ., 1952. Vol. 7. 997 p.; 1959. Vol. 8. 1288 p.

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of the Russian literary pronunciation of the 18th–20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.

Pivtorak G. P. *Formuvannya i dialektna diferentsiatsiya davn'orus'koi movi* [The formation and differentiation of the dialect of the Old Russian]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988. 280 p. (In Ukr.)

“*Rossiiskaya grammatika*” A. A. Barsova [“Russian Grammar” of A. A. Barsov]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1981. 776 p.

Trediakovskii V. K. [Conversation between the foreign person and Russian about an orthography ancient and new...] *Trediakovskii V. K. Sochineniya* [Trediakovskii V. K. Works]. St. Petersburg, A. Smirdin Publ., 1849. Vol. 3. P. I–IV + 1–316. (In Russ.)

Uspenskii B. A. *Pervaya russkaya grammatika na rodnom yazyke* [The first Russian grammar in the native language]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 232 p.

Uspenskii B. A. [Phonetic structure of one poem of Lomonosov] *Uspenskii B. A. Izbrannye trudy* [Uspenskii B. A. Chosen works]. Moscow, Gnosis Publ., 1994. Vol. 2. P. 207–241. (In Russ.)

Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (the 11th–17th centuries)]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.

Vasil'ev M. A. *Yazychestvo vostochnykh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi* [Paganism of East Slavs on the eve of the Christianization of Kievan Rus']. Moscow, Indrik Publ., 1999. 328 p.

Zhuravlev V. K. *Diakhronicheskaya fonologiya* [Diachronic phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 232 p.